

В. Короленко

В дурном обществе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Короленко**
В дурном обществе / В. Короленко – М.: Книга по Требованию, 2014. – 71 с.

ISBN 978-5-518-00251-7

ISBN 978-5-518-00251-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

щихъ костлявыми руками островъ съ его высокими пирамидальными тополями и старымъ замкомъ. Отъ этого, понятно, замокъ казался еше страшнѣе, и даже въ ясные дни, когда, бывало, ободренные свѣтомъ и громкими головами птицъ, мы подходили къ нему поближе, онъ нерѣдко наводилъ на насъ припадки паническаго ужаса; такъ страшно глядѣли на насъ черныя впадины давно выбитыхъ оконъ; въ пустыхъ залахъ ходилъ таинственный шорохъ: камешки и штукатурка, отрываясь, падали внизъ, будя гулкое эхо, и мы бѣжали безъ оглядки, а за нами долго еще стояли стукъ, и топотъ, и гоготанье.

А въ бурныя осеннія ночи, когда гиганты-тополи качались и гудѣли отъ валетавшаго изъ-за прудовъ вѣтра, ужасъ разливался отъ стараго замка и царилъ надъ всѣмъ городомъ. „Ой вей-миръ“, — пугливо произносили евреи; богобоязненные старыя мѣщанки крестились и даже нашъ ближайшій сосѣдь кузнецъ, отрицавшій самое существованіе бѣсовской силы, выходя въ эти часы на свой дворикъ, творилъ крестное знаменіе и шепталъ про себя молитву объ упокоеніи усопшихъ.

Старый съдобородый Янушъ, за неимѣніемъ квартиры пріютившійся въ одномъ изъ подваловъ замка, рассказывалъ намъ неоднократно, что въ такія ночи онъ явственно слышалъ, какъ изъ-подъ земли неслись крики. Турки начинали возиться подъ островомъ, стучали костями и громко укоряли пановъ въ жестокости. Тогда въ залахъ стараго замка и вокругъ него на островѣ бряцало оружіе и паны громкими криками сзывали гайдуковъ. Янушъ слышалъ совершенно явственно подъ ревъ и завываніе бури топотъ коней, звяканье сабель, слова команды. Однажды онъ слышалъ даже, какъ покойный ірадѣдь нынѣшнихъ графовъ, прославленный на вѣчные вѣки своими кровавыми подвигами, выѣхалъ, стуча копытами своего аргамака, на середину острова и неистово ругался: „Молчите тамъ, лайдаки! пся вяра!“

Потомки этого графа давно уже оставили жилище предковъ. Большая часть дукатовъ и всякихъ сокровищъ, отъ которыхъ прежде ломились сундуки графовъ, перешла за

мость, въ еврейскія лачуги, и послѣдніе представители славнаго рода выстроили себѣ прозаическое бѣлое зданіе на горѣ, подальше отъ города. Тамъ протекало ихъ скучное, но все же торжественное существованіе въ презрительно-величавомъ уединеніи. Изрѣдка только старый графъ, такая же мрачная развалина, какъ и замокъ на островѣ, появлялся въ городѣ на своей старой англійской клячѣ. Рядомъ съ нимъ, въ черной амазонкѣ, величавая и сухая, проѣзжала по городскимъ улицамъ его дочь, а сзади почтительно слѣдовала шталмейстеръ. Величественной графинѣ суждено было навсегда остаться дѣвой. Равные ей по происхожденію женихи, въ погонѣ за деньгами купеческихъ дочекъ за границей, молодую разсѣялись по свѣту, оставивъ родовые замки или продавъ ихъ на словъ жидамъ, а въ городишкѣ, разстилавшемся у подножія ея дворца, не было юноши, который бы осмѣлился поднять свои взоры на красавицу-графиню. Завидѣвъ этихъ трехъ всадниковъ, мы, малые ребята, какъ стая птицъ, снимались съ мягкой уличной пыли и, быстро разсѣявшись по дворамъ, испуганно-любопытными глазами слѣдили за мрачными владѣльцами стараго замка.

Въ западной сторонѣ, на горѣ, среди истлѣвшихъ крестовъ и провалившихся могилъ стояла давно заброшенная уніатская часовня. Это была родная дочь разстилавшагося въ долинѣ собственно-обывательскаго города. Нѣкогда въ ней собирались, по звону колокола, горожане въ чистыхъ, хотя и не роскошныхъ „кунтушахъ“, съ палками въ рукахъ. вмѣсто сабель, которыми гремѣла мелкая „шляхта“, тоже являвшаяся на звонъ звонкаго уніатскаго колокола изъ окрестныхъ деревень и хуторовъ.

Отсюда былъ видѣнъ островъ и его темные громадные тополи, но замокъ сердито и презрительно закрывался отъ часовни густою зеленью, и только въ тѣ минуты, когда юго-западный вѣтеръ врывался изъ-за камышей и налеталъ на островъ, тополи гудко качались и изъ-за нихъ проблескивали окна, и замокъ, казалось, кидалъ на часовню угрюмые взгляды. Теперь и онъ, и она были трупы. У него глаза

потухли и въ нихъ не сверкали отблески вечерняго солнца, у нея кое-гдѣ провалилась крыша, стѣны осыпались и, вмѣсто гулдаго, съ высокимъ тономъ, мѣднаго колокола, совы заволили въ ней по ночамъ зловѣщія пѣсни.

Но старая, историческая рознь, раздѣлявшая нѣкогда гордый панскій замокъ и мѣщанскую уніатскую часовню, продолжалась и послѣ ихъ смерти: ее поддерживали копошившіеся въ этихъ дряхлыхъ трупахъ черви, занимавшіе уцѣлѣвшіе углы, подземелья, подвалы. Этими могильными червями умершихъ зданій были люди.

Было время, когда старый замокъ служилъ даровымъ убѣжищемъ всякому бѣдняку безъ малѣйшихъ ограниченій. Все, что не находило себѣ мѣста въ городѣ, всякое выскочившее изъ колеи существованіе, потерявшее, по той или другой причинѣ, возможность платить хотя бы и жалкіе грѣши за кровъ и уголь на ночь и въ непогоду,—все это тянулось на островъ и тамъ, среди мрачныхъ, грозившихъ паденіемъ развалинъ, преклоняло свои побѣдныя головушки, платя за гостепріимство лишь рискомъ быть погребенными подъ грудами стараго мусора. „Живеть въ замкѣ“,—эта фраза стала формулой для выраженія крайней степени нищеты и гражданскаго паденія. Старый замокъ радушно принималъ и покрывалъ и перекатную голь, и временно обнищавшаго плсца, и сиротливыхъ старушекъ, и безродныхъ бродягъ. Всѣ эти существа терзали внутренности дряхлаго зданія, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили, чѣмъ-то питались,—вообще, отправляли неизвѣстнымъ образомъ свои жизненныя функціи.

Однако, настали дни, когда среди этого общества, ютившагся подъ кровомъ сѣдыхъ руинъ, возникло раздѣленіе, пошли раздоры. Тогда старый Янушъ, бывшій нѣкогда однимъ изъ мелкихъ графскихъ „оффиціалистовъ“, выхлопталъ себѣ нѣчто вродѣ владѣтельной хартіи и узурпировалъ бразды правленія. Онъ приступилъ къ преобразованіямъ, и нѣсколько дней на островѣ стоялъ такой шумъ, раздавались такіе вопли, что по временамъ казалось, ужъ не

турки ли вырвались изъ подземныхъ темницъ, чтобы отомстить утѣснителямъ-панамъ. Это Янушъ сортировалъ населеніе развалинъ, отдѣляя овецъ отъ козлищъ. Овцы, оставшіяся, попрежнему, въ замкѣ, помогали Янушу изгонять несчастныхъ козлищъ, которыя упирались, выказывая отчаянное, но бесполезное сопротивленіе. Когда, наконецъ, при молчаливомъ, но, тѣмъ не менѣе, довольно существенномъ содѣйствіи будочника порядокъ вновь водворился на островѣ, то оказалось, что переворотъ имѣлъ рѣшительно аристократическій характеръ. Янушъ оставилъ въ замкѣ только „добрыхъ христіанъ“, т.-е. католиковъ и, притомъ, преимущественно бывшихъ слугъ или потомковъ слугъ графскаго рода. Это были все какіе-то старики въ потертыхъ сюртукахъ и „чамаркахъ“ съ громадными синими носами и суковатыми палками; старухи, крикливыя и безобразныя, но сохранившія на послѣднихъ ступеняхъ обнищанія свои капоры и салопы. Всѣ они составили однородный; тѣсно сплоченный аристократическій кружокъ, взявшій какъ бы монополію признаннаго вищенства. Въ будни эти старики и старухи ходили, съ молитвой на устахъ, по домамъ болѣе зажиточныхъ горожанъ и средняго мѣщанства, разнося силетни, жалуясь на судьбу, проливая слезы и кляпча. А по воскресеньямъ они же составляли почетнѣйшихъ лицъ изъ той публики, что длинными рядами выстраивалась около костеловъ и величественно принимала подачки во имя „пана Іисуса“ и „панни Богоматери“.

Привлеченные шумомъ и криками, которые во время этой революціи неслись съ острова, я и нѣсколько моихъ товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, какъ Янушъ, во главѣ цѣлой арміи красноносыхъ старцевъ и безобразныхъ мегеръ, гналъ изъ замка послѣднихъ, подлежащихъ изгнанію жильцовъ. Наступала вечеръ. Туча, нависшая надъ высокими вершинами тополей, уже сыпала дождикомъ. Какія-то несчастныя темныя личности, запахиваясь изорванными до-нельзя лохмотьями, испуганныя, жалкія и сконфуженныя, сова-

лись по острову, точно кроты, выгнанные изъ норъ мальчишками, стараясь вновь незамѣтно шмыгнуть въ какое-нибудь изъ отверстій замка. Но Янушъ и мегеры съ крикомъ и ругательствами гоняли ихъ отовсюду, угрожая кочергами и палками, а въ сторонѣ стоялъ молчаливый будочникъ, тоже съ увѣсистой дубиной въ рукахъ и сохранявшій вооруженный пейтралитетъ, очевидно, дружественный торжествующей партіи. И несчастныя темныя личности поневолѣ, понурясь, скрывались за мостомъ, навсегда оставляя островъ, и одна за другой тонули въ слякотномъ сумракѣ быстро спускавшагося вечера.

Съ этого памятнаго вечера и Янушъ, и старый замокъ, отъ котораго прежде вѣяло на меня какимъ-то смутнымъ величіемъ, потеряли въ моихъ глазахъ всю свою привлекательность. Бывало, я любить приходилъ на островъ и хотя издали любоваться его сѣрыми стѣнами и замшонною старою крышей. Когда на зарѣ изъ него выползали разнообразныя фигуры, зѣвавшія, кашлявшія и крестившіяся на солнце, я и на нихъ смотрѣлъ съ какимъ-то уваженіемъ, какъ на существа, облеченныя той же таинственностью, которой былъ окутанъ весь замокъ. Они спятъ тамъ ночью, они слышать все, что тамъ происходитъ, когда въ огромныя залы сквозь выбитыя окна заглядываетъ луна или когда въ бурю въ нихъ врывается вѣтеръ. Я любилъ слушать, когда, бывало, Янушъ, усѣвшись подъ тополями, съ болгливостью 70-ти лѣтняго старика начиналъ рассказывать о славномъ прошломъ умершаго зданія. Передъ дѣтскимъ воображеніемъ вставали, оживая, образы прошедшаго и въ душу вѣяло величавою грустью и смутнымъ сочувствіемъ къ тому, чѣмъ жили нѣкогда понуря стѣны, и романтическія тѣни чужой старины пробѣгали въ юной душѣ, какъ пробѣгаютъ въ вѣтранный день легкія тѣни облаковъ по свѣтлой зелени чистаго поля.

Но съ того вечера и замокъ, и его бардъ явились передо мной въ новомъ свѣтѣ. Встрѣтивъ меня на другой день вблизи острова, Янушъ сталъ звать меня къ себѣ, увѣ-

рая съ довольнымъ видомъ, что теперь „сынъ такихъ почтенныхъ родителей“ смѣло можетъ посѣтить замокъ, такъ какъ найдетъ въ немъ вполне порядочное общество. Онъ даже привелъ меня за руку къ самому замку, но тутъ я со слезами вырвалъ у него свою руку и пустился бѣжать. Замокъ сталъ мнѣ отвратителенъ. Окна въ верхнемъ этажѣ были заколочены, а низъ находился во владѣннй капоровъ и салоповъ. Старухи выползали оттуда въ такомъ непривлекательномъ видѣ, лѣстили мнѣ такъ приторно, ругались между собой такъ громко, что я искренно удивлялся, какъ это строгій покойникъ, усмирявшій турокъ въ бурныя ночи, могъ терпѣть этихъ мегеръ въ своемъ сосѣдствѣ. Но, главное, я не могъ забыть холодной жестокости, съ которой торжествующіе жильцы замка гнали своихъ несчастныхъ сожителей, а при воспоминаніи о темныхъ личностяхъ, оставшихся безъ крова, у меня сжималось сердце.

Какъ бы то ни было, на примѣрѣ стараго замка я узналъ впервые истину, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. Великое въ замкѣ порасло плуцемъ и павиликой, а смѣшное казалось мнѣ отвратительнымъ, слишкомъ рѣзало дѣтскую воспріимчивость, такъ какъ иронія эти контрастовъ была мнѣ еще недоступна.

II.

Проблематическія натуры.

Нѣсколько ночей послѣ описаннаго переворота на островѣ городъ провелъ очень безпокойно: лаяли собаки, скрипѣли двери домовъ и обыватели, то и дѣло выходя на улицу, стучали палками по заборамъ, давая кому-то знать, что они бодрствуютъ. Городъ зналъ, что по его улицамъ въ ненастной тьмѣ дождливой ночи бродятъ люди, которымъ голодно и холодно, которые дрожать и мокнуть; понимая, что въ сердцахъ этихъ людей способны зародиться въ отношеніи къ нему лишь жестокія чувства, городъ насторожился и на

встрѣчу этимъ чувствамъ высылалъ лишь угрозу. А ночь, какъ нарочно, спускалась на землю среди холоднаго ливня и уходила, оставляя надъ землею низко бѣгущія тучи. И вѣтеръ бушевалъ среди ненастья, качая верхушки деревьевъ, стуча ставнями и напѣвая мнѣ въ моей постели о десяткахъ людей, лишенныхъ тепла и крова.

Но вотъ весна окончательно восторжествовала надъ послѣдними порывами зимы, солнце высушило землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бездомные скитальцы куда-то схлынули. Собачій лай по ночамъ угомонился, обыватели перестали стучать по заборамъ и жизнь города, сонная и однообразная, пошла своей колеей. Горячее июньское солнце, выкатываясь на небо, жгло пыльные улицы, загоня подъ навѣсы юркихъ сыновъ Израиля, торговавшихъ въ городскихъ лавкахъ; „факторы“ лѣнливо валялись на солнцекѣ, зорко выглядывая проѣзжающихъ и „гешефты“; скрипъ чиновничьихъ перьевъ слышался въ открытыя окна присутственныхъ мѣстъ; по утрамъ городскія дамы сновали съ корзинами по базару, а подъ вечеръ важно выступали подъ руку съ своими благовѣрными, подымая уличную пыль пышными шлейфами. Старики и старухи изъ замка чинно ходила по домамъ своихъ покровителей, не нарушая общей гармоніи. Обыватель охотно призналъ ихъ право на существованіе, находя, совершенно основательно, чтобы кто-нибудь получалъ милостыню по субботамъ, а обыватели стараго замка получали ее вполне респектабельно.

Только несчастные изгнанники не нашли и теперь въ городѣ своей колеи. Правда, они не слонялись по улицамъ ночью; говорили, что они нашли пріюгъ гдѣ-то на горѣ, около уніатской часовни, но какъ они ухитрились пристроиться тамъ, никто не могъ сказать въ точности. Всѣ видѣли только, что съ той стороны, съ горъ и овраговъ, окружавшихъ часовню, спускались въ городъ по утрамъ самыя невѣроятныя и подозрительныя фигуры, которыя въ сумерки удалялись въ томъ же направленіи. Своимъ появленіемъ онѣ возмущали тихое и дремливое теченіе городской жизни, выдѣляясь на сѣренькомъ фонѣ мрачными пятнами. Обы-

ватели косились на нихъ съ враждебной тревогой; онѣ, въ свою очередь, окидывали обывательское существованіе спокойно внимательными взглядами, отъ которыхъ многимъ становилось жутко. Эти фигуры нисколько не походили на аристократическихъ нищихъ изъ замка; городъ ихъ не признавалъ, да и онѣ и не просили признанія; ихъ отношенія къ городу имѣли чисто боевой характеръ: онѣ предпочитали ругать обывателя, чѣмъ льстить ему; брать самимъ, чѣмъ выпрашивать. Онѣ или жестоко страдали отъ преслѣдованій, если были слабы, или заставляли страдать обывателей, если обладали нужной для этого силой. Притомъ, какъ это случается нерѣдко, среди этой оборванной и темной толпы несчастливцевъ встрѣчались лица, которыя по уму и талантамъ могли бы сдѣлать честь избраннѣйшему обществу замка, но не ужились въ немъ и предпочли демократическое общество уніатской часовни. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ были отмѣнены чертами глубокаго трагизма.

До сихъ поръ я помню очень живо, какъ весело грехотала улица, когда по ней проходила согнутая, унылая фигура стараго „профессора“. Это было тихое, угнетенное идиотизмомъ существо, въ старой фризовой шинели, въ шапкѣ съ огромнымъ козырькомъ и почернѣвшей кокардой. Ученое званіе, какъ кажется, было присвоено ему вслѣдствіе смутнаго преданія, будто гдѣ-то и когда-то онъ былъ гувернеромъ. Трудно себѣ представить существо болѣе безобидное и смирное. Обыкновенно онъ тихо бродилъ по улицамъ, повидимому, безъ всякой опредѣленной цѣли, съ тусклымъ взглядомъ и понуренной головой. Досужіе обыватели знали за нимъ два качества, которыми пользовались въ видахъ жестокаго развлеченія. „Профессоръ“ вѣчно бормоталъ что-то про себя, но ни одинъ человѣкъ не могъ разобрать въ этихъ рѣчахъ ни слова. Онѣ лились точно журчаніе мутнаго ручейка и при этомъ тусклые глаза глядѣли на слушателя, какъ бы старась вложить въ его душу неуловимый смыслъ длинной рѣчи. Его можно было завести, какъ машину; для этого любому изъ долговязыхъ

факторовъ, дремавшихъ на улицахъ, стоило подозвать къ себѣ старика и предложить какой-либо вопросъ. Профессоръ покачивалъ головой, вдумчиво вперивъ въ слушателя свои выпвѣтшіе глаза, и начиналъ бормотать что-то до безкопечности грустное. При этомъ слушатель могъ спокойно уйти или хотя бы заснуть, и все же, проснувшись, онъ увидѣлъ бы надъ собой печальную, темную фигуру, все также тихо бормочущую непонятныя рѣчи. Но само по себѣ, это обстоятельство не составляло еще ничего особенно интереснаго. Главный эффектъ уличныхъ верзилъ былъ основанъ на другой чертѣ профессорскаго характера: несчастный не могъ равнодушно слышать упоминанія о рѣзущихъ и колющихъ орудіяхъ. Поэтому, обыкновенно, въ самый разгаръ непонятной элоквенціи слушатель, вдругъ поднявшись съ земли, вскрикивалъ рѣзкимъ голосомъ: „Ножи, ножницы, иголки, булавки!“ Тогда бѣдный старикъ, такъ внезапно пробужденный отъ своихъ мечтаній, взмахивалъ руками, точно подстрѣленная птица, испуганно озирался и хватался за грудь: О, сколько страданій остаются непонятными долговязымъ факторамъ лишь потому, что страдающій не можетъ внушить представленія о нихъ посредствомъ здороваго удара кулакомъ! А бѣдняга-профессоръ только озирался съ глубокой тоской, и невыразимая мука слышалась въ его голосѣ, когда, обращая къ учителю свои тусклые глаза, онъ говорилъ, судорожно царапая пальцами по груди:

— За сердце... за сердце крючкомъ!... за самое сердце!...

Вѣроятно онъ хотѣлъ сказать, что этими криками у него истерзано сердце, но, повидимому, это-то именно обстоятельство и способно было нѣсколько развлечь досужаго и скучающаго обывателя. И бѣдный профессоръ торопливо удалялся, еще ниже опуская голову, точно опасаясь удара, а за нимъ гремѣли раскаты довольнаго смѣха и досужіе обыватели выскакивали на улицу, а въ воздухъ, точно удары кнута, хлестали все тѣ-же крики: „Ножи, ножницы, иголки, булавки!“

Надо отдать справедливость изгнанникамъ изъ замка: они крѣпко стояли другъ за друга, и если на толпу, преслѣдовавшую профессора, налетѣлъ въ это время съ двумя, тремя оборванцами панъ Туревичъ или въ особенности отставной штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, то многихъ изъ этой толпы постигала жестокая кара. Штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, обладавшій громаднымъ ростомъ, сизобогровымъ ~~кашкетомъ~~ и свирѣпо выкаченными глазами, давно уже объявилъ открытую войну всему живущему, не признавая ни перемирій, ни нейтралитетовъ. Всякій разъ ~~жестъ~~ того, какъ онъ наткнулся на преслѣдуемаго профессора, долго не смолкали его бранные крики; онъ носился тогда по улицамъ подобно Тамерлану, уничтожая все, попадавшееся на пути грознаго шествія; такимъ образомъ, онъ практиковалъ еврейскіе погромы задолго до ихъ возникновенія въ широкихъ размѣрахъ; попадавшихся ему въ плѣнь евреевъ онъ всячески истязалъ, а надъ еврейскими дамами совершалъ гнусности, пока, наконецъ, экспедиція бравого штыкъ-юнкера не кончалась на сѣзжей, куда онъ неизбѣжно водворялся послѣ жестокихъ схватокъ съ бутарями. причемъ обѣ стороны проявляли не мало геройства.

Другую фигуру, доставлявшую обывателямъ развлеченіе зрѣлищемъ своего несчастія и паденія, представлялъ отставной и совершенно спившійся чиновникъ Лавровскій. Обыватели помнили еще недавнее время, когда Лавровскаго величали не иначе, какъ „панъ писарь“, когда онъ ходилъ въ вицъ-мундирѣ съ мѣдными пуговицами, повязывая шею восхитительными цвѣтными платочками. Вѣроятно, это обстоятельство только придавало болѣе пикантности зрѣлищу его настоящаго положенія. Переворотъ въ жизни пана Лавровскаго совершился быстро: для этого стоило только пріѣхать въ Князьевѣно блестящему драгунскому офицеру, который прожилъ въ городѣ всего двѣ недѣли, но въ это время успѣлъ побѣдить и увезти съ собою бѣлокурую панну, дочь богатаго трактирщика. Съ тѣхъ поръ обыватели ничего не слыхали о красавицѣ Анѣ, такъ какъ она навсегда исчезла съ ихъ горизонта. А Лавровскій остался со